

Міністерство культури України
Національний історико-археологічний заповідник
«Кам'яна Могила»

ВІСНИК

НАЦІОНАЛЬНОГО ІСТОРИКО-АРХЕОЛОГІЧНОГО
ЗАПОВІДНИКА «КАМ'ЯНА МОГИЛА»

Випуск I

Запоріжжя
Дике Поле
2016

КУЛЬТ ЗМЕЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ IV–I ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО Н. Э.

У Північному Причорномор'ї практично безперервно з IV по I тисячоліття до н. е. існував культ змій. Він був пов'язаний з міграціями носіїв гаплогрупи R1a – арійів з боку балкано-дунайського регіону. При цьому він не був другорядним культом, а з самого початку був пов'язаний з культом Богині-Матері і уявленнями про Світове Дерево (тобто світоустрій). Потім культ змій трансформувався в культ Верховного бога і Першопредка індоєвропейців, зберігши свою головну роль в уявленнях про найважливіші засади світоустрою.

Ключові слова: *культ змій, індоєвропейці, світоустрій, Північне Причорномор'я.*

В Северном Причерноморье найдено достаточно артефактов, свидетельствующих о распространении здесь культа змей в древности. Однако он еще недостаточно изучен в плане подлинного значения, а также фактической непрерывности и эволюционной преемственности на протяжении тысячелетий. Причина этого, на мой взгляд, не только во фрагментарности материальных свидетельств культа змей, но и в определенной изолированности суждений археологов от данных других наук. А обязательное привлечение этих сведений, особенно лингвистики, крайне важно, поскольку в Северном Причерноморье произошли главные события формирования и разделения индоевропейской общности в IV–III тысячелетиях до н. э., начавшиеся в Балкано-Дунайском регионе [1] Это подтверждается и ДНК-генеалогическими исследованиями. Хотя масштабных исследований по проблеме ДНК-генеалогии ранних индоевропейцев пока не проводилось, тем не менее, имеющиеся данные показывают, что примерно 4800 лет назад в Северное Причерноморье со стороны Балкан и Дуная проникают племена носителей гаплогруппы R1a1 – главного маркера индоевропейцев (точнее, ариев). Возможно, это были представители культуры Кукутени-Триполья, хотя ископаемые гаплогруппы трипольцев пока еще не определялись [2]. Примерно тогда же присутствие носителей данной гаплогруппы определяется 180/181 поколение тому назад, то есть около 4500 лет тому на территории современных Черногории, Хорватии, Болгарии, Румынии, Молдавии и в соседних регионах. Таким образом, началась массовая европеизация (точнее, индоевропеизация) Евразии [3]. Гаплогруппа R1a1 обнаружена сегодня не только примерно у половины украинцев, жителей европейской части России, белорусов, поляков, словаков и других представителей населения юго-востока Европы, но и по ходу юго-восточных миграций индоевропейцев в III–II тысячелетиях до н. э. [4], а также у 72% представителей высших каст Индии [5]. Комплексный учет сведений лингвистики и ДНК-генеалогии позволил нередко по-новому оценивать значение археологических находок, а также еще более подходить к мифологическим сведениям как достаточно серьезному историческому источнику [3]. Все это, вместе взятое, открывает новые перспективы в реконструкции мировоззрения древнего населения Северного Причерноморья, при анализе его культов, в частности – культа змей, практически непрерывно от неолита до античного времени.

Считаю необходимым кратко остановиться здесь на данных ДНК-генеалогии относительно миграций, полагая, что это может прояснить многие моменты, в частности, в реконструкции культа змей в Северном Причерноморье. Имеется немало оснований считать истоками арийских миграций с запада, из Европы, культуру Лепенского Вира в Сербии (9400–8200 лет

назад, пока как вариант, основываясь на сходстве некоторых артефактов и датировок) с переходом в трипольскую культуру (7500–4650 лет назад), в которой арии гаплогруппы R1a1 разошлись на два «потока»: преимущественно южный, лесостепной и степной, тяготевший к Причерноморью, Предкавказью и далее Средней Азии, Северному Казахстану, Южному Уралу и далее Зауралью, вплоть до Алтая и с переходом в Китай), и преимущественно северный, тяготевший к умеренным широтам Восточно-Европейской равнины и до Прибалтики [6]. Параллельно происходили другие важнейшие события – по данным ДНК-генеалогии примерно 7000–6000 лет назад от Средней Волги начали свое движение огромные племена носителей гаплогруппы R1b. В хвалынской культуре найдена ископаемая гаплогруппа R1b с археологической датировкой 6615±600 лет назад, и неподалеку, в Самарской области, найдена ископаемая гаплогруппа R1b с датировкой 7620±50 лет назад [7]. В Северном Причерноморье эти племена представлены культурой Средний Стог II. Формирование в дальнейшем ямной культуры, которая заняла 5600–4300 лет назад пространства от реки Днестр на западе до границ Казахстана на востоке, от Предкавказья на юге до Средней Волги севернее, также связано с гаплогруппой R1b – ископаемые R1b в семи захоронениях в Самарской области (расположенных в шести различных местах) датируются от 5140±210 до 4910±200 лет назад, в Калмыкии в четырех захоронениях в двух разных местах – 5000±350 и 4775±130 лет назад [7]. Из Северного Причерноморья носители гаплогруппы R1b1 повернули на юг через Кавказ в Месопотамию, далее по Северной Африке до Атлантики, через Гибралтар переправились на Пиренейский полуостров (около 5000 лет назад), став основой теперешнего населения Европы. Доля гаплогруппы R1b в Германии сейчас в среднем 45%, по Европе – примерно 60% [8]. Но не в результате смешения племён R1a1 и R1b1 в III тыс. до н. э. в Северном Причерноморье начала складываться индоевропейская общность. Как констатирует видный специалист по ДНК-генеалогии А. А. Клёсов: «Вряд ли род R1b1 («курганники» по М. Гимбутас) может рассматриваться в качестве «прото-индоевропейского» в отношении языка. ДНК-генеалогия отдаёт это место роду R1a1, направления миграций которого после периода 4000 лет тому назад четко совпадают со временем образования очагов индоевропейской культуры» [9].

Замечу попутно, что особое недоумение вызывает нередкая «рафинированность» специалистов-античников, не желающих рассматривать предшествующие и сопутствующие колонизации греками Северного Причерноморья события в данном регионе, даже как возможный фактор идеологического влияния местного населения, которое окружало пришельцев со всех сторон. Будто бы греки сами не являются индоевропейцами, а их культура появилась самостоятельно и неведомо откуда, а колонисты жили в совершенной изоляции. В этой связи хочется напомнить уважаемым коллегам, например, очень важное замечание академика В. Н. Топорова, которое касается не только областей колонизации, но гораздо большего: «Фракия была для Греции источником ряда наиболее сокровенных религиозных идей. И ее вклад в этом отношении исключителен» [10, с. 36]. Кроме того, глубокому и всестороннему рассмотрению истинного распространения и значения культа змей в значительной мере препятствует обращение лишь к реальным их изображениям и пренебрежение символическими знаками, а также несистемное цитирование фрагментов «Ригведы», что приводит порой к прямо противоположным толкованиям одного и того же феномена. Между тем, существует выработанная на основе индоевропейского языкознания и достаточно прочная опора в оценке значения образа змей. Кратко перечислю лишь основные её моменты.

При сравнительном анализе индоевропейских языков обнаруживается следующее. Змея выступает как символ Вселенной и Мирового разума, вообще считаясь творцом Мироздания и отождествляясь с космогоническими Ночью Вселенной и Днём Вселенной. Более того, она считалась первопричиной мироздания, уравниваясь с Бездной, которая также была первопричиной Вселенной, являлась её символом, как и всего сущего в ней. Змея символизирует гармонию и порядок, а также землю и небо; по древним поверьям змея осуществляет разъединение и соединение неба и земли, в частности змея являлась символом «лестницы в небо», означа-

ющей божественное бытие и являясь олицетворением абсолютного божественного времени. В индоевропейских языках змея уравнивалась с Мировым деревом осуществляя связь между мирами – ср. англ. snake «змея» и др. – инд. sneha «любовь» как «божественная связь трёх миров» [11]. Змея также связывается с обновлением, переходом в новое состояние, новую жизнь через смерть и даже являлась символом Первоматерии [12]. Весьма примечательно сходство ностратических слов kUṣa «змея» и küla «озеро, водоём»; с ними сходно и külä «род, община, племя» (ср. и. – е. *kǫel – «род, семья») [13]. Это может быть объяснено тем, что бог «низа» ещё неолитической религии, представлявшийся змеем, считался прародителем человечества. У индоевропейцев как имя бога неба (корневая основа *da или *de даёт в разных языках слова со значением «отец», «огонь», «земля»), так и его сущность генетически связываются с этнической раннеземледельческой средой и имеют своим первоисточником небесную ипостась подземного бога [14, с. 78, 224]. Но, как утверждает А. Голан: «Назвать его лишь Богом земли можно лишь с большой долей условности, имея в виду, что представлять землю – далеко не единственная его функция. Он, кроме того, представлял воображаемый подземный мир, воды «низа» вселенной (реки, моря, океан), считался отцом мира, был владыкой огня, покровителем земледелия и ремёсел ... был хозяином загробного мира. <...> Преимущественно олицетворением обожевлённого властителя подземного мира служил змей, который охранял Мировое дерево <...> Почитание змей племенами раннеземледельческих культур не могло быть обусловлено только земледельческим хозяйством, особенностями быта или какими-либо иными объективными факторами» [14, с. 78–79, 177, 189]. В индоевропейских языках отчётливо отмечается единство понятий «змея» и «предок», в частности – «отец» [15].

В археологических памятниках Северного Причерноморья, предшествующих IV тысячелетию до н. э., изображения змей не отмечены. Они появляются здесь только в связи с продвижением в данный регион трипольских племён. Племена R1a1 несли с собой в степи Северного Причерноморья не только навыки земледелия и другие достижения материальной культуры, но и основы новой идеологической системы. Как заключил академик Б. А. Рыбаков: «Одной из самых ярких и увлекательных страниц истории первобытного искусства является орнамент расписной керамики энеолита. Вспышка тонкой художественной мысли и совершенной, изошрённой формы знаменует собой глубокий перелом в мировоззрении и особую мудрость новой эпохи в истории человечества. Новое было в расцвете земледелия, в овладении секретами литья меди, в обращении древнего земледельца к тайнам небесного круговорота и смены сезонов на земле. Рождение расписной керамики как комплекса сложных и многообразных идеологических представлений было важным историко-культурным событием, быть может, ещё не в полной мере оценённым нами. Из всех европейских культур расписной керамики наиболее богатой и полнокровной представляется трипольская культура IV–III тысячелетий до н. э.» [16]. При этом, в отношении Трипольской культуры Балканы выступают как сторона, у которой заимствуют [10, с. 24]. В частности, имеется отчетливое сходство ряда типов керамики, а также некоторых графических знаков неолитических балканских культур и Триполья [17]. Поэтому культ змей в Северном Причерноморье сначала был не самостоятельным, но связанным с культом Великой Матери, широко распространённым на Балканах со времён неолита [14, с. 81; 18]. Нередко лишь волнистая линия или зигзаг здесь обозначали змею или воду, причём эти значения данного символа были взаимосвязаны [14, с. 81]. Уже на костяных изделиях и керамике Лепенского Вира (VII–VI тыс. до н. э.) имеется орнамент в виде зигзага, в т. ч. тройного; порой зигзаг заканчивается маленьким кружком [19], что уже явно символизирует змею. Мне лично посчастливилось увидеть в сербских музеях культур Лепенского Вира и Винча (VI–V тыс. до н. э.) несколько огромных зигзагов и меандров, опоясывающих почти всю площадь больших керамических сосудов.

Наиболее ранние изображения змей, близкие к реальным, обнаружены на керамике фазы Прекукутени I на территории Румынии, здесь же встречаются женские статуэтки со змеями, прорисованными красной краской [20]. Змеевидные орнаменты вообще часто представлены

на женских глиняных статуэтках трипольской культуры, в т. ч. в Побужье [21]. Более того, композиционная схема с мотивом змеи является основной и широко распространённой в орнаментике раннетрипольского времени, как на женских статуэтках, так и на керамических сосудах – от Дуная до Южного Буга [22]. Эта тема, затронутая впервые К. В. Болсуновским [23], однако, не получила дальнейшего развития до работ Б. А. Рыбакова, который подчеркнул: «Одной из характерных черт трипольской орнаментики является змеиный узор, особенно ярко выступающий на раннем этапе, но продолжающий существовать и позднее. Змеиный узор почти повсеместен: спирали змей обвивают массивные груди Великой Матери, змеи есть и на сосудах и на крышках к ним, змеи являются одним из элементов, рождающих знаменитую трипольскую спираль» [16, с. 28–29, 35–36]. Сюжеты с изображением змей на керамике, датируемые с IV тысячелетия до н. э., распространились на восток и обнаружены от памятников Кукутень и развитого Триполья в Молдавии и даже до Днестра, еще будучи связанными с культом Богини-Матери [24]. Всё это еще раз подчеркивает появление изображения змей (а следовательно – и их культа) в Северном Причерноморье с мигрирующими племенами носителей гаплогруппы R1a1, поскольку культура Кукутени-Триполья – наследница более ранних балкано-дунайских земледельческих культур. В поздней фазе трипольской культуры изображения змей становятся схематичными и уже теряют связь с женским образом [20].

В 1965 г. у с. Софиевка (Новобугский район Николаевской области) на горизонтальном скальном выходе у берега р. Ингул, притока Южного Буга, были открыты петроглифы – большой четырёхметровый извивающийся змей, как бы выходящий из земли своей левой частью, и две маленькие змейки (далее – «Софиевский змей») [25, с. 1]. О. Г. Шапошникова далее констатировала: «Наскальные изображения змей, выполненные ... весьма реалистично; очень четко переданы извивающееся туловище и особенно отчетливо головы» [26]. Этот уникальный памятник затем не был детально исследован, а сооружение водохранилища привело к его безвозвратной утрате. К счастью, сохранились фото «Софиевского змея» [27], только недавно опубликованные мной [28, фото 1–4]. Неподалёку от «Софиевского змея» на том же берегу Ингула было также открыто [25, с. 9–11] крупное поселение Ново-Розановка II. Последующие раскопки показали наличие здесь четырёх культурных слоёв: неолит, среднестоговская культура, трипольская культура, поздняя бронза. Причем артефакты среднестоговской и трипольской культур находились буквально в одном культурном слое [29]. Это свидетельствует о том, что здесь мирно сосуществовали представители родов R1a1 (земледельческая трипольская культура) и R1b1 (кочевники-скотоводы – среднестоговская культура, точнее Средний Стог II). Кто из них поклонялся «Софиевскому змею», достаточно понятно, поскольку на артефактах кочевников-скотоводов энеолита и ранней ямной культуры, насколько мне известно, отчётливые змеевидные изображения не обнаружены.

Но уже в курганных захоронениях поздняямного времени в Николаевской и Запорожской областях найдены керамические сосуды с орнаментальными изображениями явно змей [30], но такие находки крайне редки, в отличие от памятников катакомбной культуры. И это приводит к необходимости дифференцировать ямное и катакомбное население как носителей культа змей. Данных по ДНК-генеалогии катакомбной культуры пока нет, но антропологические сведения весьма характерны. Коренные отличия серий черепов ямного и катакомбного населения степей Восточной Европы отмечали еще Г. Ф. Дебец, подчеркнувший, что «катакомбная культура является не просто этапом развития общества, но связана с расселением какой-то этнической группы» и М. М. Герасимов, указавший на: «Резкую смену антропологического типа при переходе древняямного этапа в ямно-катакомбный и далее – в катакомбный. Это, очевидно, не насильственное вытеснение, а какое-то просачивание и ассимилирование группой пришельцев аборигенного населения одновременно с некоторым усвоением их материальной культуры», что послужило им основанием для вывода о кардинальной смене антропологического типа при переходе древняямного периода в катакомбный [31; 32, с. 464]. Для территории Среднего Дона также отмечаются значительные различия в морфологическом

облике черепов ямной и катакомбной культуры [33]. Характерно, что все эти изменения пришли с юго-запада [32, с. 293], что в географическом плане совпадает с балкано-дунайским регионом и свидетельствует о массовой миграции тамошнего населения в степи Северного Причерноморья.

Смена антропологического типа в катакомбной культуре сопровождается значительными материальными переменами, отраженными в артефактах. Как заключает А. В. Кияшко: «За эмоциональными оценками: «скудный», «простой» сюжет на горшках ямной культуры или «пышный» орнамент донецких кубков стоит определённое единство стиля орнаментации, присущее не только керамике, но и другим категориям предметов. Это булавки из кости и металла, наборы птичьих костей, разновидности металлических изделий: бляхи, медальоны, подвески; глиняные модели повозок и т. д.» [34]. А. В. Кияшко выдвинул также вполне обоснованное предположение, заставляющее по-новому оценивать орнаменты катакомбного времени. Основным моментом здесь является следующее тонкое наблюдение: «Большое значение для семантики изучаемого мотива имеют детали его иконографии и специфика нанесения на керамику. Речь идёт о ритмично повторяющихся элементах – своего рода заполнителях извивов горизонтального змеевидного зигзага. ... Накольчатое крапление внутри зигзагов также связано с плодоносной семантикой «пестрого», передаваемой обычно точечным наколом. Пожалуй, самым удивительным фактом, несколько прояснившим смысл этих «заполнителей», стало наличие рудиментарных насечек под налепными змеевидными валиками на керамике развитых катакомбных культур. Если на раннекатакомбной посуде такие насечки или вдавления формовали валик, то теперь они не несут никакой функциональной нагрузки. Вероятно, процесс декорирования разнонаправленными ударами чекана – «создание змей» – имел самоценный демиургический характер и сексуальную символику [35]. Обобщая свои исследования, А. В. Кияшко делает очень важные выводы: «Пышный стиль орнаментации кубков является вариантом вертикально-зонального декора, восходящего к раннекатакомбному времени. Главным носителем такого узора были костяные молоточковидные булавки – культовые амулеты, семантической характеристикой которых служила их вертикальность (реализация идеи жертвенного столба – оси мира и т. д.) подчёркнутая соответствующей композицией орнамента. ... Кубок (в донецкой культуре) – это ритуальный сосуд, частично замещающий в катакомбном ритуале «молоточковидную булавку». Форма и орнамент кубка наследуют семантическую структуру и схему декора «булавок», сопоставимы с синхронными бронзовыми амулетами и связаны с идеей вертикального жертвенного столба – оси мира или Мирового Древа. Для дальнейшего выяснения семантики орнамента на керамике эпохи средней бронзы важна интерпретация молоточковидной булавки как миниатюрной модели Мирового Древа с неизменным Змеем-драконом на стержне, стремящимся вверх. Спиралевидный резной узор на костяных булавках почти наверняка является схематическим изображением змеи, обвившей ствол Мирового Древа. Более реалистичский рельефный орнамент на бронзовых булавках подтверждает это со всей очевидностью ... Таким образом, эта структура орнамента была связана с идеей Мирового Древа. Возникает вопрос: какой мотив, кроме крайне редкого спиралевидного, олицетворял мифического Змея? Если рассматривать всю совокупность керамики позднеямного-катакомбного (и даже срубного!) времени степного Предкавказья, то наиболее частым мотивом выступает горизонтальный зигзагообразный узор, расположенный в верхней трети или центральной части тулова сосуда. ... Хронологическое и структурное соответствие этой керамики костяным и бронзовым булавкам с подобной резной и рельефной орнаментацией даёт ответ на поставленный выше вопрос. Основная вертикальная композиция на сосудах делает их моделью Мирового Древа, а горизонтальный валик есть не что иное, как образ Змея, располагающегося у его корней. <...> Ещё одной особенностью змеевидных изображений является их многократное повторение на ряде сосудов, а также телескопическая способность охватывать всё тулово, фиксируя тем самым значимость этого мотива ... Кроме того, известны изображения змеи на культовой керамике в виде вертикального зигзага <...>

Изучение семантики орнамента позволяет установить особенности воплощения основного мифологического сюжета – Мирового Древа и подчинённого ему персонажа – Змея-Дракона» [36].

Отмечены случаи, когда костяная булавка была воткнута в дно могилы – например, в погр. 30 Тимашевского кургана [37], что подчеркивает семантику булавок как Мирового Древа. Высказано также мнение, на основании находки в катакомбе Чограй VI (кург. 3, погр. 3 в Предкавказье) «алтаря», в центре которого стояла большая орнаментированная булавка, а по сторонам бляхи и маленькие булавки, что подобные наборы предметов являются вариантом иконографии Великой богини, а сами булавки являются стилизованным изображением Великой Богини (Богини-Матери) – основного божества для праиндоевропейцев культуры Винча и культур винчанского круга: Кукутени-Триполье, Гумельницы и культуры Лендьел, тем более, что набор символов Великой Богини далее «был воспроизведен в металле и был расширен: появляются изображения колоса, солярные знаки и символы, изображение змей и фаллические окончания наверший булавок, другими словами, символы плодородия» [38]. В любом случае, трудно отрицать связи культа змей в катакомбной культуре с балкано-дунайским влиянием – следует отметить, что и Б. А. Рыбаков высказал предположение, что в трипольской культуре змея рассматривалась как посредник между землей и небом [16, с. 37], что вполне соответствует древнейшим представлениям о Мировом Древе и его аналоге – Змее.

Изображения змей в катакомбной культуре встречались не только на сосудах и булавках. Так, оригинальными являются изображения охрой абстрактных символов на дне двух камер катакомб возле с. Виноградное на р. Молочной [39]. Они представлены нанесенными на кожаное изделие рисунками в виде линий, волн и завитков. Подобная роспись дна могилы была также обнаружена в погребении ингульской катакомбной культуры у г. Угледар в кург. 1, погр. 4 [40]. В Донецком Приазовье обнаружено погребение у с. Белояровка (кург. 5, погр. 10), относящееся к позднему этапу Донецкой катакомбной культуры и датируемое XVIII–XVII вв. до н. э., со сложной системой орнаментальных композиций, выполненных охрой: спиралевидный узор, а также две параллельные горизонтальные зигзагообразные линии; между зигзагами выведены друг под другом две фигуры, нижняя из которых – волнистая линия; частично сохранились другие зигзаги, спирали. Автор раскопок С. Н. Санжаров подчеркивает, что с древнейших времён главной идеей зигзагообразных линий была вода и змея, а также то, что они имеются и на сосуде из данного погребения [41]. Кроме змеевидных знаков, в катакомбных могилах обнаружены достаточно многочисленные абстрактные рисунки-символы. Они также наносились тонким слоем красной краски, чаще всего на кожу, и долгое время рассматривались лишь как фрагменты каких-то сюжетных изображений, не дошедших до нас полностью. Однако хорошая их сохранность не позволила считать эти рисунки только фрагментами, но элементами протописьменности. Всего зафиксировано более 30 различных символов. Сопоставление выявленных катакомбных знаков с доиероглифическим письмом Двуречья показало, что совпадают всего лишь немногим больше 1% знаков. С другой стороны, гораздо больше совпадений у катакомбных знаков-символов со знаковой системой культуры Винча – 18%. Причём здесь близка и сама стилистика нанесения знаков. Отсутствие длительное время пиктографических памятников в катакомбах эпохи бронзы объясняется, видимо, тем, что материалом для нанесения подобных знаков служила хорошо выделанная кожа. И лишь на позднем этапе катакомбное население стало употреблять керамику для нанесения знаков [42]. Факт достаточно заметной схожести знаков, на мой взгляд, с большой долей определенности свидетельствует о давних балканских корнях населения культур средней бронзы Северного Причерноморья. Тем более, что, по мнению А. А. Клёсова: «Оптимизация данных на сегодняшний день подводит нас к (промежуточному) выводу, что люди Лепенского Вира и Винчи были людьми рода R1a. Дело в том, что графические изображения, символы этих древних культур Лепенского Вира и Винчи сопровождают миграции ариев, носителей гаплогруппы R1a, от Балкан через Русскую равнину и далее на юг до Месопотамии (митаннийские арии)

и Аравийского полуострова, на юго-восток до Средней Азии и далее на Иранское плато (авестийские арии), на восток до Урала и далее в Индостан (индоарии), а также еще далее на восток, до Алтая и Северного Китая. По ходу этих арийских миграций – очень сходная керамика и символы на ней, сходная с керамикой и символами балканских культур, в первую очередь, Лепенского Вира и Винчи» [17].

Срубная культура (XVI–XII вв. до н. э.) представляла собой мощное объединение скотоводческо-земледельческих племен в эпоху поздней бронзы, заселивших огромную территорию от Приуралья на востоке до Северного Причерноморья на западе и от Прикамья на севере до Прикубанья на юге. В курганных погребениях этого времени отмечено наличие костяков змей. Их культовый характер несомненен, поскольку в одном из таких погребений (курган близ хутора Дурновского в бассейне р. Хопра) обнаружены скорченный костяк, нож с двусторонними выступами и выемками, характерный для срубной культуры, куски красной и белой краски, и три костяка змей [43]. При раскопках курганов «Три брата» близ г. Элисты, в кург. 9, в богатом вещами погр. 8 также были найдены скелеты двух больших змей, а в другом кургане той же группы найдена бронзовая булава с изображением змей [44]. Появляются, как минимум, три варианта изображений змеи: 1) зигзагообразная линия завершается короткой развилкой, передающей разинутую пасть змеи; этот вариант выделен А. А. Формозовым; 2) зигзагообразная или волнистая линия заканчивается круглой или овальной головкой с точкой в центре; например, пара таких змеек украшает псалий из Волошского могильника (Сурская Забора) на Нижнем Днепре [45], одна – сосуд из могильника срубной культуры у с. Новоболтачево в Башкирии [46] и Г-образное окончание псалия из поселения Кирово в Восточном Крыму [47]; 3) двойная спираль, закрученная в разные стороны в виде латинской буквы «S» с овальной головкой на верхнем конце, подобная изображенной на стенке горшка из кург. 1 у с. Старая Тойда Аннинского района Воронежской обл. [48]. Изображения змей в срубное время приобретают гигантский характер. И если вопрос о змеевидных курганах вызывает острую дискуссию, змеевидные рвы все-таки обнаружены с достаточной фиксацией полученных данных. У г. Ипатово Ставропольского края исследован курган с окружающим овальным змееподобным рвом; его контуры в плане имеют очертания, напоминающие змею с открытой пастью [49]. Найден также змеевидный ров кургана № 9 у с. Терны Павлоградского района Днепропетровской области [50]. И совсем никаких сомнений не вызывают культовые змеевидные рвы, обнаруженные на поселениях поздней бронзы. На поселении Камышеватая-XIV (Первомайский район Донецкой области), существовавшем от развитой срубной культуры до финального бронзового века, исследован комплекс, имеющий неординарный характер и представляющий собой ров, заполненный золой, фрагментами керамики, костями животных и обломками камня. Он использовался для культовых действий многократно, в течение длительного времени. В плане ров имел змеевидную форму. Расширенная часть изображала голову змеи, а узкая, соответственно, хвост. Авторы раскопок провели параллели с соответствующими изображениями на срубной керамике [51]. На поселении Вороновка II сабатиновской культуры на берегу Григорьевского лимана в Одесской области обнаружен ров длиной 10,7 м, по своей форме напоминающий изображения змей первого типа на срубной керамике [52]. Почти все катакомбные знаки присутствуют в срубной пиктографической системе – совпадение между ними более 50%. Таким образом, сформированная у катакомбного населения система абстрактных символов является подосновой аналогичной срубной системы [42]. Добавлю, что здесь нужно вспомнить о заметном совпадении знаков протописьменности Винча и катакомбных знаков, поскольку указанная преемственность недвусмысленно говорит о сохранении балканских традиций, причем в важнейшей духовной сфере, также и населением срубной культуры. Усиливает эти доводы обнаруженная в нескольких срубных захоронениях в Самарской области гаплогруппа R1a [7]. Таким образом, данные захоронения (середина II тыс до н. э.) – это «хвост» миграции «классических» ариев, предки которых к тому времени уже 1000–500 лет как ушли на юг, юго-восток

и восток. Предложенная А. В. Кияшко концепция «создания змей» на валиках катакомбных сосудов позволяет видеть в некоторых случаях нечто подобное также на керамике сабатиновской и белозерской культур.

Учитывая достаточно глубокое и раннее распространение фракийцев в Северное Причерноморье [53], необходимо остановиться на культе Фракийского Всадника – верховного бога фракийцев, имеющего древнейшие индоевропейские корни и теснейше связанного со змеями, причем не как с простым атрибутом, но как олицетворением верховного бога-громовержца и Мирового Древа, т. е. мироустройства [54]. Культ Фракийского Всадника со всеми атрибутами, включая змей, сохранялся до римского времени. Уникален культ Ахилла на мысе Бейкуш на берегу Березанского лимана в Нижнем Побужье. Здесь обнаружены десятки граффити на керамике, датируемые минимум VI в. до н. э., с совместным изображением змей и надписей AX или AXI [55], что не может не напоминать древнеиндийское áhi- «змей». Напротив, в других культовых местах Ахилла его безусловная связь со змеями не отмечена не только для Северного Причерноморья, но и для всей Греции [56, с. 82]. Это заставляет искать истоки специфичности культа Ахилла на Бейкуше в плане связи со змеями в местной среде Северного Причерноморья. Убедительно показавший индоевропейское, догреческое происхождение образа Ахилла, В. Н. Топоров указал, что «многие его черты могут быть реконструированы как глубокие архаизмы, остатки космогонического «пред-Ахилла», тесно связанного со змеями [57]. В. П. Яйленко, проделав глубокий лингвистический анализ, сделал вывод о том, что у туземного индоарийского населения Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья был распространён культ змей, связанный с Ахиллом [56, с. 64–101]. Но археологических свидетельств этому он не привел. С другой стороны, следует учитывать, что арии ушли из Северного Причерноморья не полностью в III тыс. до н. э. Они образовали в Северном Причерноморье достаточно обширный реликтовый анклав (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты), сохранившийся и в историческое время – от современной Одессы до Краснодарского края, а также в Крыму [58]. Эти племена и составили основу «варварского» населения Северного Причерноморья, в том числе – современного греческим колонистам. На основе комплексного изучения данных археологии, лингвистики и ДНК-генеалогии мною ранее было проведено предварительное исследование культа змей в Северном Причерноморье, начиная с энеолита [59], а также сделано предположение, что образ пра-Ахилла, как Змея-первопредка или Верховного божества, начал формироваться в Северном Причерноморье, возможно, еще в катакомбное время [28, с. 53–54]. Настоящая работа подтвердила эти предварительные результаты, а также расширила их доказательную базу.

Таким образом, есть все основания полагать, что в Северном Причерноморье практически непрерывно с IV по I тысячелетие существовал культ змей. Он был связан с миграциями носителей гаплогруппы R1a – ариями и сначала был связан с культом Богини-Матери и представлениями о Мировом Древе (т. е. мироустройстве). Затем культ змей трансформировался в культ Верховного бога и Первопредка индоевропейцев, сохранив свою главную роль в плане связи с древнейшими представлениями о важнейших основах мироустройства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Mallory J. P. In search of the Indo-Europeans. Language, archaeology and myth / Mallory J. P. – L., 1989; Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча / Л. А. Гиндин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 54–64.
2. Klyosov A. A. DNA Genealogy and Linguistics. Ancient Europe / Klyosov A. A., Tomezzoli G. // Anthropology. – 2013 – V. 3 – No. 2. – P. 101–111; Клёсов А. А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видит ДНК-генеалогия, археология и лингвистика Часть 1 / А. А. Клёсов // Вестник Академии ДНК-генеалогии. – 2016. – Т. 9. – № 1. – С. 2–29.

3. Шапошников А. К. Индоевропейский этногенез – свидетельствует мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия / А. К. Шапошников // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти проф. В. А. Сафронова) – М.: МГОУ, 2010. – С. 251–262.
4. Клёсов А. А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видит ДНК-генеалогия, археология и лингвистика. Часть 1 / А. А. Клёсов // Вестник Академии ДНК-генеалогии. – 2016. – Т. 9. – № 1. – С. 2–29.
5. Sharma S. The Indian origin of paternal haplogroup R1a1 substantiates the autochthonous origin of Brachmins and the caste system / Sharma S., Rai E., Sharma P., Jena M. et al. // Human Genetics. – 2009. – 54. – P. 47–55.
6. Клёсов А. А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видит ДНК-генеалогия, археология и лингвистика. Часть 2 / А. А. Клёсов // Вестник Академии ДНК-генеалогии. – 2016. – Т. 9. – № 2. – С. 200.
7. Allentoft, M. E. Population genomics of Bronze Age Eurasia / Allentoft, M. E., Sikora, M., Sjögren, K. G., Rasmussen, S. et al. // Nature – 2015–522 – P. 167–172.; Haak, W., Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe / Haak, W., Lazaridis, I., Patterson, N., Rohland, N. et al. // Nature – 2015–522. – P. 207–211.
8. Клёсов А. А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видит ДНК-генеалогия, археология и лингвистика. Часть 3 / А. А. Клёсов // Вестник Академии ДНК-генеалогии. – 2016. – Т. 9. – № 3. – С. 406–407, 411–412.
9. Клёсов А. А. Основные положения ДНК-генеалогии / А. А. Клёсов // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. – 2008. – Т. 1. – № 2. – С. 252–348.
10. Топоров В. Н. К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры // Античная балканистика. Предварительные материалы Первого симпозиума по балканскому языкознанию / В. Н. Топоров – М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1972. – С. 24–38.
11. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов / М. М. Маковский – М.: Владос, 1996. – С. 175–179; Маковский М. М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев: Сущность, формы, развитие. Изд-е 4-е. / М. М. Маковский – М.: Либроком, 2012. – С. 49, 126–128, 151.
12. Маковский М. М. Краткий этимологический словарь-тезаурус индоевропейских языков. Изд-е 3-е. / М. М. Маковский – М.: Либроком, 2012. – С. 138; Маковский М. М. Язык как феномен / М. М. Маковский – М.: Ленанд, 2014. – С. 213.
13. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (b – ħ). Изд. 3-е. / В. М. Иллич-Свитыч – М.: Либроком, 2009. – С. 305, 308, 362.
14. Голан А. Миф и символ / А. Голан – М.: Русслит, 1993.
15. Маковский М. М. Семиотика языческих культов. В кн. Язык как феномен / М. М. Маковский – М.: Ленанд, 2014. – С. 124–129.
16. Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1965. – № 1. – С. 24–47.
17. Klyosov A. A., Mironova E. A. A DNA Genealogy Solution to the Puzzle of Ancient Look-Alike Ceramics Across the World / A. A. Klyosov, E. A. Mironova // Advances in Anthropology. – 2013. – Vol. 3. – No. 3. – P. 164–172.
18. Гимбутас М. Цивилизация Великой богини: мир Древней Европы / М. Гимбутас – М.: Росспэн, 2006. – С. 258–260.
19. Борић Д. Лепенски Вир / Д. Борић – Београд: Креативни центар, 2015. – С. 17.
20. Збенович В. Г. Дракон в изобразительной традиции культуры Кукутени-Триполье / В. Г. Збенович // Духовная культура древних обществ. – К.: Наукова думка, 1991. – С. 20–34.
21. Погожева А. П. Антропоморфная пластика Триполья / А. П. Погожева. – Новосибирск, 1983. – С. 25 (рис. 4–8), 26 (рис. 5–3), 42–43, 45–47, 56 (рис. 10), 58, 130–131.

22. Макаревич М. Л. Об идеологических представлениях у трипольских племён / М. Л. Макаревич // Записки Одесского археологического общества. – Одесса, 1960. – С. 297–301.
23. Болсуновский К. В. Символ Змия в трипольской культуре. – К., 1905.
24. Мельничук И. В. Изображение змеи в Триполье / И. В. Мельничук // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. – Кишинев: Штиница, 1990. – С. 39–46.
25. Лазаренко В. Г. Дневник разведки Николаевской группы Одесского археологического общества по берегам рек Ингул и Сагайдак в 1965 г./ В. Г. Лазаренко // Архив В. И. Никитина (г. Николаев). – С. 1.
26. Шапошникова О. Г. Археологические разведки по берегам Ингула / О. Г. Шапошникова, И. Н. Шарафутдинова, С. В. Смирнов, В. И. Никитин // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. – К.: Наукова думка, 1967. – С. 200–204.
27. Шапошникова О. Г. и др. Отчет о работе Ингульской экспедиции // Архив АН УССР. Ф. 1973/8, 1974/12, 1975/3.
28. Лазаренко В. Г. Образ змея и архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье / В. Г. Лазаренко // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. – СПб., 2014–2015. – Т. VII. – С. 30–54.
29. Шапошникова О. Г. Из работ Ингульской экспедиции / О. Г. Шапошникова, В. И. Неприна // Археологические исследования на Украине в 1967 г. – К.: Наукова думка, 1968. – С. 19–22.
30. Ляшко С. Н. К вопросу о семантике орнамента на сосудах из погребений ямной культуры // Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. / С. Н. Ляшко – К.: Наукова думка, 1987. – С. 54–58.
31. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР / Г. Ф. Дебец – М. – Л.: АН СССР, 1948. – С. 103–104.
32. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) / А. М. Герасимов – М.: АН СССР, 1955.
33. Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник) / А. Т. Синюк // Население эпохи бронзы на Среднем Дону (краниология). – Воронеж, 1983. – С. 188.
34. Кияшко А. В. Параллели в орнаментации керамики и других предметов эпохи средней бронзы Предкавказья / А. В. Кияшко // Проблемы охраны и исследования памятников археологии на Донбассе: Тезисы докл. науч. – практ. семинара. – Донецк, 1989. – С. 92–93.
35. Кияшко В. Я. К вопросу о молоточковидных булавах / А. В. Кияшко // Донские древности. – Азов, 1992. – Вып. 1. – С. 17; Кияшко А. В. Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы Волго-Донских степей / А. В. Кияшко // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2001. – Вып. 4. – С. 25–43.
36. Кияшко В. Я. Молоточковидные «булавки» и Мировое Древо / А. В. Кияшко // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии. Эпоха бронзы и раннего железа. – Л.: Наука, 1990. – С. 16; Кияшко А. В. Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы Волго-Донских степей / А. В. Кияшко // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 4. – Волгоград, 2001. – С. 25–43.
37. Гей А. Н. Новотиторовская культура. / А. Н. Гей – М.: Старый сад, 2000. – С. 164.
38. Николаева Н. А. О культе Великой Богини индоиранцев по данным археологии / Н. А. Николаева // Вестник МГОУ. – 2010. – № 1. – С. 98–106.
39. Пустовалов С. Ж. Моделирование лица по черепу у населения ингульской катакомбной культуры / С. Ж. Пустовалов // Stratum plus. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций. – Кишинев: Высшая антропологическая школа, 1999. – № 2. – С. 249.
40. Небрат С. Г. Охра в погребальном обряде катакомбных культур Северного Приазовья / С. Г. Небрат // Вісник Маріупольського державного університету. – Серія: Історія. Політологія. – Вип. 2. – 2011. – С. 121–125.
41. Санжаров С. Н. Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины / С. Н. Санжаров // Советская археология. – 1989. – № 2. – С. 97–107.
42. Пустовалов С. Ж. К вопросу о наличии знаковой системы у населения катакомбной об-

- щности Северного Причерноморья / С. Ж. Пустовалов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): материалы Международ. конф. – Ч. 1. – Донецк, 1996. – С. 45–46.
43. Формозов А. А. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР / А. А. Формозов // Советская археология. – 1958. – № 2. – С. 137–142.
44. Сеницын И. В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Подонья / И. В. Сеницын // Советская археология. – 1948. – X. – С. 153, рис. 6.
45. Шарафутдинова И. Н. К вопросу о сабатиновской культуре / И. Н. Шарафутдинова // Советская археология. – 1968. – № 3. – С. 27, рис. 3, 52.
46. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала / К. В. Сальников – М.: Наука, 1967. – С. 200, рис. 26, 5.
47. Лесков А. М. Кировское поселение / А. М. Лесков // Древности Восточного Крыма. – К.: Наукова думка, 1970. – С. 37, рис. 30, 4.
48. Корнюшин Г. И. Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской обл. / Г. И. Корнюшин // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1971. – № 127. – С. 81, рис. 32, 5.
49. Белинский А. Б. Отчёт о раскопках курганных могильников «Ипатово 3», «Ипатово 6», «Ипатово 8» у г. Ипатово Ставропольского края в 1998 г. Т. 1 / А. Б. Белинский // Архив ГУП «Наследие», 1999.
50. Ростунов В. Л. Курганы эпохи энеолита-ранней бронзы с ровиками в форме змей / В. Л. Ростунов // Археологический журнал. – Армавир, 2007. – № 1. – С. 8–12.
51. Горбов В. Н. Некоторые аспекты культовой практики населения эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья / В. Н. Горбов, Е. В. Кабанова // Археологический альманах. – 2010. – № 21. – С. 86–103.
52. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье / [Ванчугов В. П., Загинайло А. Г., Кушнир В. Г., Петренко В. Г.] – К.: Наукова думка, 1991. – С. 10–11, рис. 3.
53. Бруяко И. В. Несколько сюжетов на тему колонизации Северо-Западного Причерноморья / И. В. Бруяко // Античный мир и археология. – Т. 17. – Саратов, 2015. – С. 209–237.
54. Топоров В. Н. Еще раз о фракийском всаднике в балканской и индоевропейской перспективе / В. Н. Топоров // Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения – I. – М., 1992. – С. 3–32.
55. Русяева А. С. Культовые предметы з поселения Бейкуш поблизу о-ва Березань / А. С. Русяева // Археологія. – 1971. – № 2. – С. 22–29.
56. Яйленко В. П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. / В. П. Яйленко – М.: Onebook.ru, 2013.
57. Топоров В. Н. Об архаическом слое в образе Ахилла / В. Н. Топоров // Образ-смысл в античной культуре. – М.: ГМИИ, 1990. – С. 64–95.
58. Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье / О. Н. Трубачев. – М.: Наука, 1999. – С. 99 – 102.
59. Лазаренко В. Г. Семантика изображений змей и следов человеческих стоп в Северном Причерноморье эпохи бронзы // Матеріали Міжнарод. наук. конф. «Проблеми вивчення та охорони пам'яток первісного мистецтва півдня Європи (кам'яний вік – епоха бронзи)». Національний історико-археологічний заповідник «Кам'яна Могила». – Запоріжжя: Дике Поле, 2015. – С. 59–70.

V. G. Lazarenko

**КУЛЬТ ЗМЕЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
IV–I ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО Н. Э.**

В Северном Причерноморье практически непрерывно с IV по I тысячелетие до н. э. существовал культ змей. Он был связан с миграциями носителей гаплогруппы R1a – ариев со стороны балкано-дунайского региона. При этом он не был второстепенным культом, а с самого начала был связан с культом Богини-Матери и представлениями о Мировом Древе (т. е. мироустройстве). Затем культ змей трансформировался в культ Верховного бога и Первопредка индоевропейцев, сохранив свою главную роль в представлениях о важнейших основах мироустройства.

Ключевые слова: культ змей, индоевропейцы, мироустройство, Северное Причерноморье.

V. G. Lazarenko

**THE CULT OF SNAKES IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION
IN IV–I MILLENNIA BC**

In the Northern black sea region almost continuously from IV to I Millennium BC there was a cult of the snake. He was associated with the migrations of bearers of haplogroup R1a – Aryan from the Balkan-Danube region. However, he was not a minor cult, and from the beginning was associated with the cult of the Mother Goddess and the concept of the World Tree (i. e. the world order). Then the cult of the serpent was transformed into the cult of the Supreme God and Ancestor of the Indo-Europeans, while maintaining their main role in views about the most important foundations of the world order.

Keywords: snake cult, the Indo-Europeans, the world order, Northern Black sea region.